

МОТИВ ЧУДА В ЦИКЛЕ В. ШАЛАМОВА «ВОСКРЕШЕНИЕ ЛИСТВЕННИЦЫ»
Л. С. Старикова

MOTIF OF THE MIRACLE IN THE CYCLE «THE RESURRECTION OF THE LARCH»
BY VARLAM SHALAMOV
L. S. Starikova

В статье рассматривается развитие мотива чуда в рассказах, вошедших в цикл В. Шаламова «Воскрешение лиственницы». Чудо как феномен природы, как феномен духовного мира человека возникает в таких рассказах писателя, как «Тропа», «Графит», «Экзамен», «Укрощая огонь», «Воскрешение лиственницы» и других. Шаламов, описывая ужас колымского, лагерного мира, тем не менее выделяет чудо как момент осознания бессмертия души, момент духовного воскрешения.

The paper focuses on the development of the motif of the miracle in the narratives included in the cycle «The resurrection of the larch» by Varlam Shalamov. The miracle as a phenomenon of nature and person's spiritual world appears in such narratives as «The path», «The graphite», «The examination», «The taming of the fire», «The resurrection of the larch» and other. Describing the horrors of the Kolyma camp world, Shalamov, however, allocates the miracle as the moment of realizing the immortality of the soul, the moment of spiritual resurrection.

Ключевые слова: лагерная проза, мотив чуда, мотив воскрешения, В. Шаламов, «Воскрешение лиственницы».

Keywords: camp prose, motif of the miracle, motif of resurrection, Varlam Shalamov, «The resurrection of the larch».

Цикл рассказов «Воскрешение лиственницы» был написан Варламом Шаламовым в период с 1965 по 1967 год. Данный цикл входит в состав так называемой эпопеи «Колымские рассказы», состоящей из шести самостоятельных циклов, и поставлен там пятым. Учитывая тот факт, что остальные циклы писались в течение восьми и более лет, за исключением «Очерков преступного мира», написанных за один год, можно говорить о цельности замысла и быстроте его воплощения автором. «Воскрешение лиственницы» состоит из тридцати рассказов. Открывающие и завершающие цикл рассказы, что характерно для циклов Шаламова, являются лирико-символическими, о чем говорит И. Сухих: «Структурно, композиционно начала всех пяти шаламовских книг однотипны: впереди стоит лирическая новелла-эпиграф с ключевым, символическим мотивом» [5, с. 216]. В рассматриваемом цикле одним из таких мотивов является мотив чуда, который наиболее ярко представлен в двух первых рассказах – «Тропа» и «Графит», а также в трех последних: «Водопад», «Укрощая огонь», «Воскрешение лиственницы». Также в статье рассматриваются помимо пяти упомянутых следующие рассказы: «Тишина», «Житие инженера Кипреева», «Экзамен».

Нашей задачей является рассмотреть цикл «Воскрешение лиственницы» с точки зрения одного из ключевых циклообразующих мотивов – мотива чуда, изначально заложенного уже в названии цикла, которое к тому же идентично названию завершающего цикл рассказа.

И. В. Ащеулова обобщает несколько пониманий понятия чуда и отмечает, что А. Ф. Лосев рассматривает чудо в символическом плане, а П. А. Флоренский в религиозном. Также исследователь выделяет три уровня чуда: «чудо как социальное и историческое явление; теистическое чудо; индивидуальное чудо» [1, с. 279 – 290]. Согласно данной классификации у Шаламова восприятие чуда во всех случаях является индивидуальным, личностным. Всем явлениям, кото-

рым в «Воскрешении лиственницы» приписывается категория чуда, есть реальное объяснение.

Пространство Колымы как «чудной планеты» является пространством свершения чудес: от природы до человека. Но также Колыма – ад, в который ее превратила государственная система; ад, где иногда свершаются чудеса.

В рассказе «Золотая медаль» мотив чуда сплетается с темой творчества и проявляется в нем: «Рассказ – это повод для волшебства, это предмет колдовства, живая, еще не умершая вещь, видевшая героя» [7, с. 739]. Деятельность героя как поэта связывается с чем-то невероятным: таинство создания поэзии должно оставаться тайной одинокого поэта, рождающего стихи в природном пространстве, не нарушенном другими людьми. И когда данное таинство нарушается, поэт не может творить там, где ему противостоит другой человек. Созданная им тропа и гармония могут быть уничтожены от одного следа сапога чужого человека, даже без его личного присутствия, что делает творчество еще более хрупким явлением. И «С той поры на этой тропе стихи не писались» [7, с. 106]. Будет другая, на которой они будут писаться, но именно этот путь, этот способ, эта тропа – уже закрыты для поэта. И потом даже о самой этой музе – об этой тропе – герой пытался, но не смог написать стихотворения. Таким образом, в «Тропе» чудо разрушается, но в последнем рассказе цикла «Воскрешение лиственницы» автор доказывает, что «чудо воскрешения не может не быть» [7, с. 277]. В начале цикла автор идет от чуда к смерти, а в завершении цикла – от смерти к чуду жизни. Его возможность творчества воскресла, когда он вернулся на континент, он опять может творить, как и ветка лиственницы чудесным образом оживает в Москве. В письме Надежде Мандельштам от 21 июля 1965 года Шаламов пишет: «Что касается секрета молодости, то – это ведь не моя находка. У Мандельштама сказано о «молодящей злости». Есть и еще примеры. Я же эмпирически устано-

вил и многократно проверял, что чувства человека располагаются в постоянном порядке, воскресая и умирая, возвращаясь и снова уходя» [4, с. 159]. Данная тема – воскрешения – была важна для автора в период написания этого цикла, соответственно и мотив чуда тоже имел большую значимость и реализовался в переходе от смерти к жизни, от невозможности творчества к поэтическому вдохновению.

Одним из ключевых образов в творчестве В. Шаламова является образ лиственницы. В «Словаре символов» Дж. Тресиддера лиственнице дается следующее определение: «Дерево, имеющее наиболее твердую и прочную древесину (многие здания в Венеции стоят на сваях, сделанных из лиственницы), символ бессмертия. Лиственница считается Древом Мира у народов Сибири и может использоваться в траурных церемониях как символ возрождения» [6]. Н. В. Ганущак, рассматривая образы-символы в творчестве Шаламова, считает, что лиственница – «символ памяти, смерти и возрождения, тления и стойкости» [2], то есть образ, включающий противоречивые понятия одновременно. Можем заметить, что образ лиственницы у Шаламова берет основы в традиционном восприятии данного символа как символа бессмертия, вечности, нетленности, стойкости, который основан на ее реальных природных свойствах. Данное дерево очень прочное, долговечное и в живом состоянии в виде растущего дерева, и как строительный материал, так как не гниет за счет выделения скипидара. Лиственница в цикле «Воскрешение лиственницы» появляется в каждом рассказе: изначально как дерево, характерное для колымской природы, затем как символ памяти, вечности, святости, чистоты, она как природное явление воплощает в себе неразрывную связь живого и мертвого. Уже то, что это дерево имеет хвою как вечно зеленое растение, но каждый год ее сбрасывает, дает автору повод говорить о ее двоякой природе. Ветка лиственницы одновременно и жесткая и гибкая. Ее скипидарный запах ассоциируется у рассказчика с запахом тления, но сама она – одно из немногих растений Колымы, выживающая в невероятные морозы и живущая более чем 600 лет, способная хранить бессмертную историю. Поэтому именно это дерево воскресает, как и само творчество, в произведении В. Шаламова. Чудо воскрешения проявляется в том, что умершие и память о них живых возрождают мертвую ветку, она становится живой, переходит inferнальную границу за счет духовных сил людей, не потерявших силу и веру. Подтверждение восприятию символа лиственницы как чуда оживления находим уже во втором рассказе цикла «Графит»: «Раненое тело лиственницы подобно явленной иконе – какой-нибудь Богородице Чукотской, Девы Марии Колымской, ожидающей чуда, являющей чудо» [7, с. 108]. Такое сравнение основано на реальном образе: «Цифра, условная метка выводится на свежем затесе, на источающей сок свежей ране дерева, дерева источающего смолу, как слезы» [7, с. 108], а слезы дерева становятся мироточением. Если лиственница – символ памяти и чуда, то цикл «Воскрешение лиственницы» – отражение возрождения этих понятий в человеке, его веры в чудо, его сил вспомнить и сохранить увиденное.

В рассказе «Боль» фотография жены стала для Шелгунова иконой, спасая его, помогая ему жить дальше, «фотография пряталась среди икон и сама была иконой» [7, с. 172]. Параллель между воскресшей лиственницей, ее воплощением в «Графите» в образе иконы святой Девы Марии и фотографией-воспоминанием о жене, которое помогает жить герою, дает нам возможность говорить о мотиве памяти в рассказе «Боль». Этот мотив служит основой для мотива воскрешения; лиственница, из которой делают графитный карандаш, помогает сохранить память обо всем пережитом, но также она воскрешает, следовательно, дает возможность не только сохранить воспоминания, но и надеяться на лучший исход, на дальнейшую жизнь.

Главная тема рассказа «Графит» – сохранение памяти обо всем случившемся, которое совершается за счет писательского творчества и с помощью вечного орудия этого хранения – графитного карандаша. В рассказе проступает цепочка: графит – лиственница – память – воскрешение – чудо. И сам графит представлен автором как чудо создания природы. В противовес простому карандашу дается химический: «Искусственный карандаш, химический карандаш не годится для записей о вечности, о бессмертии. Но графит, углерод, сжатый под высочайшим давлением в течение миллионов лет и превращенный если не в каменный уголь, то в бриллиант или в то, что *дороже бриллианта, в карандаш*, в графит, который *может записать все*, что знал и видел... Больше *чудо*, чем алмаз, хотя химическая природа и графита и алмаза – одна» [7, с. 107 – 108].

Связь уже упомянутых мотивов является круговой в данном цикле. Чудо, связанное с творчеством, которое происходит посредством графитного карандаша, сделанного из лиственницы (вместе карандаш и лиственница хранят память), переходящей границы живого и мертвого в процессе воскрешения, приходит к мотиву воскрешения, тем самым замыкая последовательность в кольцо, возвращаясь к мотиву чуда. Получается последовательный круг связанных мотивов.

В третьем рассказе цикла «Тишина» мотив чуда проявляется в его развенчании. И развенчивается он в самой крайней степени – в человеческой смерти, а точнее в самоубийстве. В рассказе новый старший воспитатель лагеря решил кормить дополнительной едой не лучшие бригады, а те, где собраны доходяги, которые не могли работать. Он верит, что если «раздать остатки пищи самым слабым, самым голодным, у них, дескать, и совесть проснется» [7, с. 116]. И этот человек кажется доходягам волшебником, они смотрят на него с благоговением. «А нам кисель казался сладким, отменно сладким, казался *чудом*, и каждый вспоминал, что сахар еще есть на белом свете и даже попадает в арстантский котел. Что за *волшебник*» [7, с. 115], они «продолжали есть, не желая расставаться с *чудом*» [7, с. 117]. И этот чудесный прием пищи дал одному сектанту силы на самоубийство. «Эта была та порция каши, которой недоставало моему напарнику, чтобы решиться умереть, – иногда человеку надо спешить, чтобы не потерять волю на смерть» [7, с. 118 – 119]. И его смерть описывается как сознательный путь к осво-

бождению из ада: «сектант встал и пошел мимо конвоира *в туман, в небо*» [7, с. 117]. В этом рассказе автором поднимается вопрос о воле человека, его собственных силах решать что-либо. И здесь ярко показана неразрешимая взаимосвязь еды и физических сил с волей и духовной силой: на Колыме физические недуги ведут к растлению, к падению человека, который, может быть, сохранил бы себя, если бы государство дало ему возможность сохранить свое тело и быть хотя бы сытым. Сама еда на Колыме – это чудо жизни, как и лишний день отдыха, сон, радость или здоровье.

С мотивом чуда в цикле соотносится фигурирование мистического и божественного числа три. В «Тропе» именно на третье лето по тропе героя прошел человек. Интересно в этом рассказе отделение героя от других людей, он не признает себя человеком, считая себя более близким природе, нежели людям. «Дорога, по которой ходили автомашины и люди, легла с другой стороны пригорка, повыше по горному склону» [7, с. 105]; «А на третье лето по моей тропе прошел человек» [7, с. 106]. Именно через три недели в лагере у человека пропадало благородство и желание поделиться едой с товарищем. К тому же в рассказе «Воскрешение лиственницы» используется сказочный зачин с этим числом: «Проходит три дня и три ночи...» [7, с. 277], что усиливает чудесность оживания ветки лиственницы. У нее уже не кора, а кожа – «В жесткой деревянной коже открылись и выступили явственно на свет новые, молодые, живые ярко-зеленые иглы свежей хвои» [7, с. 277], она все ближе и ближе к живому человеку.

Представлен мотив чуда и в лагерной медицине, которая сама по себе является из ряда вон выходящим явлением. Лечить доходивших людей, чтобы опять отправить их на смерть. Например, доктор без образования, который лечил всех «только марганцовкой и йодом» и видимо вылечивал, а скорее всего, оставлял больных для смерти, но ведь до заключенных все равно никому нет дела. Е. Гинзбург в «Крутом маршруте» лагерные больницы называет страной чудес [3].

Но лично героя медицина, а вернее возможность работать фельдшером, спасает от вероятного исхода (как и героиню «Крутого маршрута», выжившую благодаря полученным в лагере медицинским навыкам). Рассказ «Экзамен» описывает переход рассказчика из мира смерти в возможный мир спасения. Он сдал экзамен на фельдшера, ему повезло, «слепая животная воля к выбору» [7, с. 191] помогла ему принять «Звериное решение звериного прыжка, чтобы выбраться в царство человека» [7, с. 192]. Он проходит обратный путь от зверя к человеку, который дается не каждому. В этом ему помог Бойченко, принимавший экзамен по химии (Попался хороший человек и не побоялся проявить человечность (чудо), и у героя возродилась надежда дожить до окончания срока). Рассказчик на все вопросы отвечал «Не знаю», но вот поворотный момент в судьбе героя, удача повернулась к нему, и случилось чудо – Бойченко ставит ему три и дает путевку в жизнь. «Колесо лагерной машины влекло меня к жизни, и жадно хотелось верить, что колесо не остановится никогда» [7, с. 192 – 193]. Дорога лагеря – дорога смерти, но само движение времени – жизнь. Ведь и сам Шаламов, как и его героиня из рассказа «Золотая медаль», дождался 1953 года, смерти Стали-

на, которая воспринимается в качестве чудесного избавления, и своего возвращения к нормальной жизни и воскрешения души.

Название рассказа «Житие инженера Кипреева» само толкает на мысль о сравнении его с жанром жития, где мотив чуда всегда присутствовал как обязательный элемент становления святого. Шаламов пишет житие лагерного святого, с которым был лично знаком, как и биографы были знакомы со святыми. Кипреев за рассказ совершает три чуда: из старых ламп делает новые, создает рентген-аппарат из старых деталей и конструирует бленду по оборванной вырезке из газеты. Также со второго раза для начальства он создает зеркало для трюмо, но сам он, так как это было не его желание, не считает зеркало достижением. К тому же оно предстает как материальный объект, атрибут власти. Как и древние святые, Кипреев отказывается от мирских благ: не берет американские сапоги, отказывается от особого лечения после серьезной операции в пользу других больных, после освобождения не возвращается на материк, так как на Севере ему легче дышится. За всю жизнь у инженера было только одно личное желание – свобода, но именно за него и за бескорыстный характер он получает новый срок. Также чудо происходит с самим героем: у него тяжелейшая болезнь, но он выживает в руках хирурга-алкоголички. Его нравственность доказывается отказом от писем жене (пишет в последний раз письмо о своей смерти), чтобы ей и их детям легче было выжить. В лагерной среде он делает тот же поступок, что и остальные – ставит подписи при использовании метода № 3 (избиение). Но его в отличие от других мучает совесть, тяжесть греха за поставленную не по своему желанию подпись оказывается критерием человечности, Кипреев не оправдывает такой поступок безвыходными обстоятельствами. Его поведение в лагере можно посчитать невероятным, не свойственным обычному человеку, поэтому Шаламов и обозначает рассказ жанром жития.

С рассказа «Водопад» начинается заключительная часть цикла «Воскрешение лиственницы», что и заставляет автора вновь обратиться к мотивам, которые открывали цикл. Данный рассказ начинается с мотива чуда, при этом чуда в колымской природе с ее коротким летом и гигантскими растениями. Несмотря на противоречивость всех процессов и пространств в цикле, в «Водопаде» происходит соединение природы и цивилизации: «Лед прикрывает собой камень русла, становится похожим на цемент взлетной дорожки аэродрома» [7, с. 271], что мы наблюдали и в метафорах первого рассказа: «ландыш... лежит, как рухнувший телеграфный столб» («Тропа») [7, с. 105]. Ручей олицетворяет жизненный путь человека с началом, полным надежд и желания борьбы, полета, спротивления. Но по мере продвижения его к руслу большой сильной реки он смиряется перед силой воздуха, не дающего ему взлететь, и перед силой большой реки. Так и человек смиряется перед жизненными обстоятельствами, сгибающимися его волно своей силой. В данном рассказе мотив чуда реализуется в природной стихии.

Как и в предыдущем рассказе в рассказе «Укроющая огонь» показано чудо воскрешения природы колымским летом. Но здесь главной стихией является уже не вода, а огонь. Утверждается спасительная сила

огня, укрощенного человеком, костер вдалеке означает спасение, а котелок с водой – укрощенная вода на укрощенном огне – означает жизнь, возможность выжить, поборов природные стихии.

В заключительном рассказе цикла «Воскрешение лиственницы» с одноименным названием мотив чуда неразрывно связывается с мотивами воскрешения и творчества, мертвая ветка лиственницы распускается именно в квартире поэта. Там, где создаются стихи, грань между мертвым и живым пересекается: «Лиственница жива, лиственница бессмертна, это чудо воскрешения не может не быть – ведь лиственница поставлена в банку сводой в годовщину смерти на Колыме мужа хозяйки, поэта» [7, с. 277]. «В ветке разбужены иные, тайные силы» [7, с. 277]. Подключается понятие тайны, которое и должно быть приложено к чудесным событиям. Духовные силы памяти воскресили мертвую ветку через трое суток. И «лиственница живет где-то на Севере, чтобы видеть, чтобы кричать, что ничего не изменилось в России – ни судьбы, ни человеческая злоба, ни равнодушие» [7, с. 278], как все похоже: судьба Натальи Шереметьевой-Долгоруковой и судьбы сотни людей 1937 года, а между ними – 300 лет, которые прожила лиственница. Но она воскресает из мертвых ради памяти обо всех погибших на Колыме.

На Колыме нет запаха, огромные чудо-цветы не пахнут коротким летом, но «только лиственница наполняет леса смутным скипидарным запахом» [7, с. 279]. И это – «запах победы», то есть лиственница своим чудесным воскрешением побеждает все содеянное теми, кто создал лагерь, она сохраняет память, не дает все забыть о том, что было правильно и неправильно. «Это – дерево познания добра и зла» [7, с. 279]. Это – мера, по Шаламова, человечности; только в XX веке дошли до концлагерей, и в XX веке эти категории нужно измерять уже другими параметрами.

В Москве она запахла Колымой, «люди Москвы будут трогать руками эту шершавую, неприхотливую жесткую ветку, будут глядеть на ее ослепительно зеленую хвою, ее возрождение, воскрешение, будут вдыхать ее запах – не как память о прошлом, но как живую жизнь» [7, с. 280]. Эта память о трагических

событиях станет живой, и ее будут хранить в своей жизни все люди, иначе забвение может толкнуть многих на повтор ужасов прошлого. Стоит подчеркнуть, что рассказ «Воскрешение лиственницы» воплощает в себе итог авторского замысла и включает в себя основную мысль цикла, его назначение: память о прошлом должна дать новую «живую жизнь».

Доказательством того, что мотив чуда является циклообразующим, служит его присутствие в ключевых рассказах, часть из которых освящена в данной статье. Приведем для наглядности первые предложения первого и последнего рассказов: «В тайге у меня была тропа чудесная» («Тропа») [7, с. 105] и «Мы суеверны. Мы требуем чуда» («Воскрешение лиственницы») [7, с. 277]. В «Тропе» чудо теряется, тропа чудесная», волшебная, была «безнадежно испорчена»: чудо здесь – возможность самого творчества, душевного движения писателя. «Воскрешение лиственницы» (1966) написано на год раньше, чем «Тропа» (1967), где чудо уничтожается. Но В. Шаламов жизнеутверждающий рассказ ставит в заключение цикла, тем самым разрешая противоречие о том, возможно ли возродить души после всего пережитого: возможно, так как жизнь и выживание – уже победа над адом.

Как правило, человек считает чудом явления, недоступные его пониманию, невероятные и с долей таинственности. У Шаламова чудом стали реальные явления и вещи, что обусловлено тяжелым лагерным личным опытом. Этим изменением понятия он показывает деградацию мира и человека, где чудом становится еда, отдых, доброе отношение другого человека. Но чудо природы остается в неизменном смысле: чудо жизни, красоты цветов и воскресшей мертвой ветки. Все это показывает его личностное восприятие понятия чуда, что доказывает принадлежность мотива чуда у В. Шаламова к чуду индивидуальному.

Литература

1. Ащеулова, И. В. Чудо как ситуация духовного поиска в истории (роман В. Шарова «Воскрешение Лазаря») И. В. Ащеулова // Питання літературознавства. Науковий збірник. – Вып. 84. – Чернівці: Чернівецький національний університет, 2011.
2. Ганущак, Н. В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Ганущак. – Тюмень, 2003. – 26 с.
3. Гинзбург, Е. С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности / Е. С. Гинзбург. – М.: Советский писатель, 1990. – 608 с.
4. Переписка Варлама Шаламова и Надежды Мандельштам // Знамя. – 1992. – № 2.
5. Сухих, И. Жить после Колымы (1954 – 1973. «Колымские рассказы» В. Шаламова) / И. Сухих // Звезда. – 2001. – № 6.
6. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/tresidder_dzhek/slovar_simvolov-read-13.html
7. Шаламов, В. Т. Воскрешение лиственницы / В. Т. Шаламов // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса; сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004.

Информация об авторе:

Старикова Людмила Семеновна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 89511865435, lyudvig.star@yandex.ru.

Ludmila S. Starikova – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century, Kemerovo State University.